ГЛАВА 1

РОЖДЕНИЕ МОНСТРА

Я долго пытался вспомнить, когда именно всё началось. Не потом, не в подвале и не в тот момент, когда стало по-настоящему тихо. Раньше. Намного раньше. В тот день ничего не происходило — и, наверное, именно поэтому я его помню.

Солнце было обычным. Не ярче, не тусклее, чем в другие дни. Оно просто светило, нагревая асфальт так, что если провести по нему ладонью, оставалось ощущение тепла, будто ты коснулся чего-то живого. Я провёл рукой один раз, потом ещё, и ещё, наблюдая, как пыль остаётся в складках кожи.

— Ты чего делаешь?

Я поднял голову не сразу. Мне всегда требовалось время, чтобы вернуться. Саша стоял передо мной, закрывая солнце, и из-за этого его лицо казалось тёмным, почти размытым.

— Ничего, — ответил я, хотя это было неправдой.

Я снова посмотрел на свою ладонь и начал медленно вытирать её о шорты, стараясь убрать пыль до конца. Это было важно — довести до конца даже такую мелочь.

— Пас давай.

Я кивнул и поднял мяч. Он был тёплый, слишком тёплый, и под пальцами чувствовалась потёртость на боку. Я провёл по ней большим пальцем, задержался на секунду дольше, чем нужно, а потом сжал мяч сильнее. Иногда мне казалось, что если сжать что-то достаточно сильно, оно изменится.

— Ты издеваешься?

Саша подошёл ближе, и я понял, что снова задержался.

— Давай быстрее.

Я бросил мяч. Уже в момент броска я понял, что он полетит выше, чем нужно. Так и вышло. Саша подпрыгнул, поймал его и скривился.

— Нормально кинуть не можешь?

Я не ответил.

Мы продолжили играть. Они двигались быстро, кричали друг на друга, смеялись, спорили. Я же всё больше наблюдал. Мне всегда казалось, что смотреть — это почти то же самое, что участвовать. Иногда даже лучше, потому что ты замечаешь больше. Например, как Витя всегда смотрит вниз перед тем, как побежать, будто проверяет, можно ли. Или как у Димы дрожат пальцы, когда он ждёт пас, хотя он сам этого не замечает. Или как Саша злится не из-за самой игры, а потому что хочет, чтобы всё было по его правилам.

Я запоминал это, не зная зачем. Просто запоминал.

В какой-то момент я повернулся слишком поздно, и мяч ударил меня в грудь. Воздух на секунду исчез, будто внутри что-то выключили. Я согнулся, сделал вдох, потом ещё один.

— Да ты вообще в игре или нет? — сказал Саша, усмехнувшись.

Я кивнул, хотя не был уверен.

Мы играли ещё какое-то время. Я не знаю сколько. Тогда время не имело значения. Оно не ощущалось как что-то важное.

Потом что-то изменилось.

Сначала не снаружи — внутри. Как будто стало чуть холоднее, хотя солнце никуда не делось. Я поднял голову и увидел его.

Он стоял у края двора.

Просто стоял и смотрел.

Я попытался рассмотреть его лицо. Сфокусироваться, запомнить — это всегда было важно. По лицам можно понять многое. Но у меня не получилось. Каждый раз, когда я пытался, взгляд словно соскальзывал. Как будто там не за что было зацепиться.

Это начало раздражать.

Я моргнул и посмотрел снова.

Ничего.

Только ощущение, что он смотрит прямо на нас. Нет… на меня.

— Ребят, — сказал он.

Голос был спокойный. Слишком спокойный.

Саша остановился и прижал мяч к боку.

— Чё?

Никто не смеялся. Даже Дима замолчал, что само по себе было странно.

— Хотите кое-что покажу?

Обычные слова. Но в них было что-то не так. Я не сразу понял что именно. Как будто чего-то не хватало или, наоборот, было лишнее.

— Где? — спросил Витя, уже делая шаг вперёд.

Он всегда был первым. Не самым смелым — просто первым.

— Там, — он кивнул за гаражи. — В старом доме.

Я посмотрел туда. Дом был на месте, как и всегда. Мы проходили мимо него каждый день и никогда не заходили внутрь. Он был просто фоном, частью двора, на которую никто не обращает внимания.

— И чё там? — спросил Саша, нахмурившись.

— Подвал, — ответил он после короткой паузы. — Настоящий.

Слово «настоящий» прозвучало странно, как будто всё остальное — нет.

В этот момент внутри меня появилось ощущение. Слабое, почти незаметное.

Не надо идти.

Мысль была тихой. Очень тихой. Её легко было не услышать.

Я посмотрел на остальных. Витя уже кивнул. Саша сделал вид, что ему всё равно. Дима улыбнулся, но как-то неуверенно.

Решение уже произошло.

Никто его не обсуждал.

Так всегда бывает — сначала оно появляется внутри, а потом просто становится действием.

— Пошли, — сказал Витя.

И этого оказалось достаточно.

Я снова посмотрел на него. На человека, лицо которого я не мог запомнить. И вдруг понял одну вещь: он не спрашивал. Он не ждал ответа. Он говорил так, будто мы уже согласились.

И мы согласились.

Я мог остаться. Просто сказать: «Я не пойду». Это заняло бы одну секунду.

Но тогда все бы посмотрели.

Я представил это слишком ясно — раздражённого Сашу, смеющегося Витю, Диму, который обязательно что-нибудь скажет.

Я не хотел этого.

Поэтому я сделал шаг вперёд.

Потом ещё один.

И пошёл за ними.

Иногда всё начинается не с того, что ты сделал, а с того, что ты не остановился.

И это почти незаметно.

Но именно это потом невозможно исправить.

Они пошли сразу, как будто никто и не сомневался. Просто развернулись и двинулись за гаражи, туда, куда обычно не ходили, и я оказался последним — так вышло само собой, потому что мне всегда было проще идти сзади: оттуда видно всех, и никто не смотрит на тебя. Сначала всё выглядело привычно — те же ржавые двери гаражей, облупленная краска, трещины в асфальте, в которых застряла старая пыль. Мы проходили здесь много раз, но никогда не заходили дальше определённого места, как будто существовала невидимая граница, которую никто не обсуждал, но все чувствовали.

Сейчас эту границу просто переступили.

Саша шёл впереди, как обычно, но его уверенность была другой — не такой громкой, как во дворе. Он не оборачивался, держал плечи чуть напряжёнными и шёл быстрее, чем нужно, словно пытался закончить это раньше, чем появится причина остановиться. Витя шёл рядом и время от времени смотрел вперёд, на дом, и каждый раз задерживал взгляд чуть дольше, чем раньше. Дима молчал, и это было самым странным: он почти никогда не молчал, заполнял паузы словами, даже если они были лишними, особенно если были лишними, а сейчас просто шёл, глядя под ноги, как будто боялся поднять голову.

Я смотрел на них и вдруг понял простую вещь: мы уже пожалели. Никто этого не сказал, но это было видно в движениях, в паузах, в том, как каждый чуть-чуть замедлялся, хотя продолжал идти.

Я перевёл взгляд на него. Он двигался чуть в стороне — не впереди и не сзади, но при этом именно он задавал направление. Это ощущалось странно, почти неприятно, как будто кто-то незаметно ведёт тебя, и ты соглашаешься, даже не понимая, в какой момент это произошло. Я снова попытался рассмотреть его лицо, заставил себя

сфокусироваться, запомнить, но ничего не вышло — взгляд соскальзывал, как будто там не за что было зацепиться. Это уже не просто удивляло, а начинало раздражать.

— Далеко ещё? — спросил Саша, не оборачиваясь.

— Нет. Уже рядом, — ответил он.

Эти слова прозвучали так, будто назад дороги уже нет. Мы прошли ещё немного, и воздух изменился — стал прохладнее, плотнее, хотя солнце всё ещё светило. Запах появился сначала слабо, потом сильнее: сырость, старая и тяжёлая, и что-то сладкое, неприятное, как будто слишком долго лежало там, где не должно было лежать. Я не знал, что это за запах, но внутри всё сжалось, и появилось желание остановиться.

Я остановился. Всего на секунду. Никто не заметил.

Не надо идти.

Теперь эта мысль была чёткой, почти громкой. Я мог сказать это вслух, остановить всё прямо сейчас, просто отказаться. Я даже представил, как это будет: Саша закатит глаза, Витя засмеётся, Дима скажет что-нибудь, чтобы разрядить ситуацию, и всё вернётся на свои места, станет обычным, понятным.

Я сделал шаг вперёд.

Иногда проще продолжать, чем объяснять, почему ты остановился.

Дом появился неожиданно, хотя я знал, что он там. Мы видели его каждый день, но никогда не смотрели по-настоящему. Теперь он выглядел иначе — не просто пустым, а как будто лишённым чего-то важного, как будто внутри него не осталось даже эха. Мы остановились у входа, и снова никто не сказал ни слова.

Саша пнул камень и сказал чуть громче, чем нужно:

— Ну и? Ради этого шли?

Он пытался вернуть всё в привычное состояние, в обычный разговор, но это не сработало.

— Внутри, — спокойно ответил он.

Я снова посмотрел на него и снова не увидел лица. Это стало почти физическим ощущением — как будто что-то мешает, не даёт увидеть, как будто так и должно быть.

Витя подошёл к двери.

— Закрыто?

— Нет.

Дверь открылась сразу, без усилия, без звука. Это было неправильно. Старые двери так не делают — они всегда сопротивляются, скрипят, заедают, требуют усилия. Эта открылась так, будто её недавно уже открывали.

Мы вошли внутрь.

Запах стал сильнее, плотнее, как будто его можно было почувствовать кожей. Сырость обволакивала, а сладкий оттенок стал отчётливее, и от него хотелось отвернуться.

— Фу… — тихо сказал Дима, но не договорил.

Слова не нашлись.

Саша прошёл вперёд, стараясь не показывать осторожность, но шаги его стали медленнее.

Я посмотрел под ноги. Пол был покрыт пылью, но не везде. Были следы. Свежие.

Я остановился и посмотрел внимательнее, потом поднял голову. Никто больше не смотрел вниз. Никто не замечал.

Я хотел сказать.

Показать.

Но не сказал.

Пока это не произнесено вслух, это можно игнорировать.

— Сюда, — сказал он.

В конце коридора была дверь. Она была приоткрыта, и за ней была темнота — не просто отсутствие света, а что-то более плотное, как будто свет туда не попадал вообще.

Я остановился. Уже не на секунду.

Это было решение.

Не идти.

Чёткое, ясное.

Я мог развернуться и уйти. Прямо сейчас.

— Ты чё? — сказал Саша, обернувшись.

Все посмотрели на меня.

Снова этот момент.

Я открыл рот. Этого достаточно, чтобы всё изменить.

— Ничего, — сказал я.

И сделал шаг вперёд.

Иногда всё ломается именно так — тихо, без звука, без заметной причины.

Он стоял у двери и ждал.

И в этот момент мне показалось, что он улыбается.

Хотя я всё ещё не видел его лица.

Я не сразу понял, в какой момент стало тише.

Сначала всё было как обычно: Саша что-то сказал, Витя ответил, Дима шаркнул ногой по полу. Звуки были, но как будто дальше, чем должны. Как будто между мной и ними появилось расстояние, которого секунду назад не было.

Я стоял перед дверью и смотрел в темноту.

Она была странной.

Не просто тёмной — другой. Как будто там не отсутствие света, а что-то, что его поглощает. Мне даже на секунду показалось, что если вытянуть руку, я смогу это почувствовать. Как холодную воду.

Сзади кто-то вздохнул.

— Ну давай уже, — сказал Саша.

Он сказал это раздражённо, но я услышал не это. Я услышал паузу перед словами. Короткую, почти незаметную.

Страх.

Я сделал шаг.

Ступень оказалась ниже, чем я ожидал, и нога на секунду провалилась. Я наклонился вперёд, поймал равновесие и автоматически начал считать.

Один.

Это всегда происходило само. Когда я не был уверен — я считал.

Второй шаг.

Два.

Сзади хлопнула дверь.

Я остановился.

Звук был негромкий, но в этой тишине он прозвучал слишком резко. Как будто не должен был звучать вообще.

Я обернулся.

Наверху остался прямоугольник света. Он казался уже меньше, чем был секунду назад. Хотя это невозможно.

— Эй… это ты закрыл? — голос Димы.

— Я нет, — ответил Саша.

— Может, она сама…

Он замолчал.

Я смотрел на свет.

Почему-то это стало важно. Его форма. Цвет. Пыль в воздухе, которая медленно двигалась, почти незаметно. Как будто это нужно запомнить.

На всякий случай.

Я сделал ещё шаг.

Три.

Считать было проще, чем думать.

Четыре.

Стены стали ближе. Запах усилился. Сырость теперь чувствовалась сильнее, как будто её можно было вдохнуть и не выдохнуть обратно. И этот сладкий оттенок… он не исчезал, только становился заметнее.

Пять.

— Тут холодно, — сказал Витя.

Никто не ответил.

Шесть.

Я снова посмотрел вверх.

Свет стал ещё меньше.

Или мне показалось.

На секунду я подумал, что надо вернуться.

Прямо сейчас.

Просто развернуться и подняться обратно.

Это ещё возможно.

Я даже сделал движение назад.

Очень маленькое.

Почти незаметное.

Но достаточное, чтобы я это почувствовал.

— Ты чего тормозишь? — сказал Саша.

Я замер.

Если сейчас развернуться, придётся объяснять.

Почему.

Придётся говорить.

А я не знал, как это объяснить.

Я сделал шаг вниз.

Семь.

Иногда проще продолжать, чем пытаться остановиться.

Внизу стало темнее.

Фонарик щёлкнул внезапно, и узкий луч света прорезал пространство. Он двигался неровно, выхватывая куски стен, пола, какие-то старые предметы, которые сразу исчезали, как только свет уходил дальше.

Это было странно.

Как будто вещи существуют только тогда, когда на них смотрят.

— Нормально, — сказал Саша. — Видно.

Но он говорил тише, чем раньше.

Я смотрел на свет.
На то, как он двигается.
На то, как всё появляется и исчезает.
Это было похоже на дыхание.
Когда есть свет — есть всё.
Когда его нет — ничего нет.
— Сколько тут ступенек вообще? — спросил Витя.
— Не знаю… много, наверное, — ответил Дима.
Я знал.
Я считал.
Восемь.
Девять.
Десять.
Считать было важно.
Пока я считал — всё было под контролем.
Если перестану — что-то изменится.
Я не знал что.
Но был уверен.
Одиннадцать.
Двенадцать.
Ступени закончились.
Я сделал шаг вперёд и остановился.
Сначала я не понял, что именно изменилось.
Потом понял.
Здесь было тише.
Сильно тише.
Как будто звук сюда почти не доходил.
— Ну и где… — начал Саша.
И замолчал.
Фонарик дёрнулся.
Луч света зацепился за что-то в глубине.
Всего на секунду.
И сразу ушёл.

Слишком быстро.

Как будто не нужно было смотреть.

Я не спросил, что это было.

Никто не спросил.

Мы просто стояли.

Я слушал.

Тишина здесь была другой.

Не пустой.

Она как будто… была чем-то.

Как будто она ждала.

Я впервые за всё время подумал не о том, что происходит сейчас.

А о том, что будет дальше.

И впервые не смог представить.

Сначала мне казалось, что мы просто стоим. Не двигаемся, не говорим, просто ждём, хотя никто не объяснял, чего именно. Потом я понял, что это ощущение приходит не сразу: сначала ты просто находишься где-то, а потом вдруг замечаешь, что время не движется так, как должно. Как будто оно застряло, и ты застрял вместе с ним.

Саша держал фонарик и водил им по сторонам слишком быстро. Луч света выхватывал куски стен, пола, какие-то предметы, которые тут же исчезали обратно в темноте, и я не успевал понять, что именно видел. Это раздражало. Не потому что было темно, а потому что невозможно было закончить мысль. Картинка обрывалась раньше, чем становилась понятной.

— Дай сюда, — сказал Витя, потянувшись к фонарику.

— Отстань, — резко ответил Саша и дёрнул рукой.

Свет снова дёрнулся, на мгновение зацепился за что-то в глубине подвала и исчез. Я снова почувствовал это — ощущение, что там было что-то неправильное, но я не успел рассмотреть. И это было хуже, чем если бы увидел до конца.

— Не води так, — сказал я.

Я не собирался говорить, но слова вышли сами. Все посмотрели на меня, и это было неприятно. Мне не нравилось, когда смотрят.

— Чё? — спросил Саша.

— Просто… медленнее. Ничего не видно.

Он помолчал секунду, потом провёл светом по стене уже осторожнее. Луч двигался медленно, и теперь стало видно больше. И сразу стало хуже. Стены были влажные, с тёмными потёками, как будто что-то стекало вниз. Пол был грязный, но не равномерно — где-то слой пыли был толще, где-то почти стёрт. И там, где он был стёрт, были следы.

Я смотрел на них дольше, чем нужно.

Они были свежими.

Это было очевидно.

— Тут кто-то есть, — тихо сказал Дима.

Никто не ответил, потому что это уже было понятно. Он просто сказал это вслух, и от этого стало тяжелее. Пока мысль внутри — её можно игнорировать. Когда она произнесена — она остаётся.

Я снова посмотрел туда, где раньше мелькнул свет. Мне нужно было увидеть это ещё раз, чтобы понять, чтобы закончить. Незаконченные вещи остаются внутри.

— Посвети туда, — сказал я.

— Куда? — спросил Саша.

Я не смог объяснить, просто показал рукой. Он не сразу повернул фонарик. Секунду стоял, потом всё-таки медленно направил свет в ту сторону. Луч двигался осторожно, как будто он тоже не хотел туда смотреть.

Когда свет дошёл, я понял, что именно видел.

Не сразу. Сначала просто форма. Потом детали. Потом — понимание.

И сразу стало холоднее.

— Это что… — начал Витя и замолчал.

Никто не договорил. Здесь слова не работали нормально. Они не подходили.

Я смотрел и старался не моргать. Если моргнуть — картинка исчезнет. А если исчезнет — она останется только в голове. А там она становится хуже.

— Пошли отсюда, — тихо сказал Дима.

Это была правильная мысль. Наконец-то правильная.

— Да, пошли, — быстро поддержал Витя.

Саша молчал. Фонарик в его руке чуть дрогнул, и на секунду свет погас полностью. Темнота накрыла сразу, без перехода, как будто её просто включили. В этот момент я понял ещё одну вещь: темнота здесь не пустая. Она как будто есть сама по себе, как что-то отдельное.

— Включи! — сказал кто-то.

Может, я.

Щёлк — и свет вернулся. Все стояли ближе друг к другу, хотя я не помнил, чтобы мы двигались.

— Это просто подвал, — сказал Саша. — Обычный.

Он говорил так, будто убеждал себя.

Я снова посмотрел на следы, потом на стены, потом туда, куда не хотел смотреть. Я пытался вспомнить, как мы сюда зашли. Последовательность, шаги, слова. Но что-то не сходилось. Как будто между «мы пошли» и «мы здесь» пропал кусок.

Я не мог его найти.

— Сколько мы тут? — спросил я.

— Минут пять, — сразу ответил Витя.

Слишком быстро.

— Нет, — сказал я.

Он посмотрел на меня.

— В смысле?

Я не объяснил. Потому что не мог. Но это было не пять минут. Время здесь не шло нормально. Оно как будто растягивалось или повторялось, или вообще стояло на месте.

Мысли начали путаться. Я снова начал считать, просто чтобы удержаться. Один. Два. Это помогало. Числа не меняются. Они всегда одинаковые. В отличие от всего остального.

Саша снова повёл фонариком быстрее.

— Не надо, — сказал я.

Он посмотрел на меня дольше, чем раньше.

— Ты чего вообще?

Я не ответил.

Потому что если свет будет двигаться слишком быстро, можно увидеть что-то, что не нужно видеть.

— Пошли наверх, — сказал Витя.

На этот раз никто не спорил. Мы развернулись. Я нашёл глазами лестницу. Она была там же, но выглядела иначе. Чуть дальше. Или уже. Я не был уверен.

Я сделал шаг.

И вдруг понял, что не помню, как мы спустились полностью. Я помнил ступени, счёт, свет. Но не всё. Как будто часть стёрли.

Я снова начал считать, поднимаясь. Потому что если считать — всё становится проще.

Потому что числа не исчезают.

В отличие от воспоминаний.

Когда мы спустились вниз полностью, я сначала подумал, что здесь просто холоднее. Это было самое простое объяснение, и за него хотелось зацепиться. Всегда легче выбрать первое, что приходит в голову, чем искать что-то дальше. Но холод был не таким, как на улице или в подъезде. Он не проходил через кожу, а как будто оставался внутри, в груди, и от этого становилось трудно дышать ровно.

Мы стояли слишком близко друг к другу, хотя никто об этом не договаривался. Просто так получилось. Саша держал фонарик и теперь почти не двигал им, направляя свет вперёд, как будто боялся, что если луч сдвинется в сторону, он увидит что-то лишнее. Раньше он водил им быстро, не давая рассмотреть, а теперь наоборот — держал его почти неподвижно.

— Ну и где? — сказал он.

Голос прозвучал тише, чем обычно, и это было заметно. Никто не ответил. Я не сразу понял, что это странно, а потом понял: должен был кто-то ответить. Тот, кто нас сюда привёл.

Я посмотрел по сторонам.

Его не было.

Я попытался вспомнить, где он стоял до этого. Перед нами? Сбоку? Чуть впереди? Я не смог. В памяти не было ни одного точного момента, где он находился, хотя мы точно шли за ним. Это было неправильно, и от этого внутри стало ещё холоднее.

— Эй… — сказал Витя. — А где он?

Саша повернул голову, как будто только сейчас это заметил.

— В смысле?

— Ну… он же тут был.

— Ты видел, куда он пошёл? — спросил Дима.

— Нет, — ответил Саша.

Я снова попытался вспомнить. Мы шли за ним, это точно. Он говорил, это тоже точно. Но сейчас как будто между этими фактами ничего не было. Пустое место. Как будто часть воспоминаний вырезали, аккуратно, без следов.

— Может, он вышел? — сказал Витя.

— Когда? — резко ответил Саша. — Мы же вместе шли.

Мы замолчали. Это было не то молчание, когда просто никто не говорит. Это было другое — когда говорить не

хочется, потому что любое слово делает всё происходящее более реальным.

Я смотрел на свет фонарика. Он освещал только небольшой кусок пространства перед нами. Остальное оставалось в темноте. И теперь это уже не казалось просто темнотой. Это было место, куда не хотелось смотреть.

— Пошли обратно, — тихо сказал Дима.

Он сказал это почти сразу, без паузы, и это было странно. Обычно он тянул время, говорил лишнее, шутил. Сейчас — нет.

Саша кивнул быстрее, чем я ожидал.

— Да, пошли.

Никто не стал спорить. Это решение оказалось самым простым из всех, которые были сегодня.

Мы начали разворачиваться, и в этот момент я услышал звук. Сначала я не понял, что именно. Не шаги. Что-то более глухое. Как будто металл коснулся бетона. Коротко. Тяжело.

Мы остановились одновременно.

— Слышали? — спросил Витя.

Я не ответил. Я слушал. Сердце стало биться быстрее, и от этого звук внутри головы мешал услышать, есть ли что-то снаружи.

Саша медленно повернул фонарик в сторону, откуда это могло быть. Луч двигался осторожно, как будто он сам не хотел, чтобы свет дошёл до конца.

Когда он остановился, я сначала не понял, что именно вижу. Просто фигуру. Потом — человека.

Он стоял чуть дальше, в полутени. Теперь лицо было видно. Обычное. Слишком обычное. Никакого выражения, которое помогло бы понять, что происходит.

Он смотрел на нас.

И молчал.

— Вы чего встали? — сказал он.

Спокойно. Ровно. Как будто ничего не произошло. Как будто он всё время был здесь.

В этот момент внутри у меня что-то не сошлось. Я точно помнил, что его не было. И в то же время он стоял перед нами так, как будто никуда не исчезал. Обе мысли существовали одновременно, и ни одну из них нельзя было убрать.

— Пошли, — сказал он и сделал шаг назад.

В темноту.

Он не ждал ответа. Просто сказал это так, будто мы уже согласились.

Я посмотрел на остальных. Саша не двигался, но и не говорил ничего. Витя отвёл взгляд. Дима стоял, опустив голову.

Никто не сказал «нет».

Никто не сказал «да».

Но мы снова пошли.

Я сделал шаг.

И в этот момент понял, что уже не важно, хочу я идти или нет.

Потому что решение уже не за мной.

Он не обернулся, чтобы проверить, идём ли мы за ним.

Ему это было не нужно.

Он просто пошёл вглубь подвала, и этого оказалось достаточно, чтобы мы двинулись следом. Я заметил это не сразу. Сначала просто сделал шаг, потом ещё один, а потом понял, что уже иду, хотя не помню, чтобы решал идти.

Это было неприятное ощущение.

Как будто решение произошло без меня.

Саша шёл первым. Фонарик всё ещё был у него, но теперь свет почти не двигался. Он держал его перед собой, направляя в одну точку, словно боялся, что если повернёт,

увидит что-то лишнее. Витя шёл рядом, но чуть отставал, будто не хотел быть впереди. Дима оказался сзади.

Я знал это.

Потому что один раз обернулся.

И запомнил.

Это было важно — запоминать.

Я начал считать шаги.

Не специально.

Просто чтобы удержаться.

Один.

Пол был неровный.

Два.

Где-то мягче, где-то твёрже.

Три.

Если не считать, становится хуже.

Четыре.

Появляется ощущение, что всё распадается.

Пять.

Что ты что-то упускаешь.

Я остановился на секунду.

Сбился.

И сразу стало хуже.

Я не смог вспомнить, было ли «шесть» или нет.

Я попытался вернуться назад в голове.

Не получилось.

Как будто этого момента уже не существует.

Я снова начал.

Один.

Лучше начинать заново, чем продолжать неправильно.

Он шёл впереди.

Медленно.

Не оглядываясь.

Как будто точно знал, что мы никуда не денемся.

— Сколько тут вообще… — начал Витя и замолчал.
Он не договорил.
Потому что вопрос был неправильный.
Мы не знали, сколько.
И, наверное, не должны были знать.
— Не отставай, — сказал он.
Спокойно.
Не громко.
Но все услышали.
Я почувствовал, как внутри что-то сжалось.
Он не повысил голос.
Не сделал ничего резкого.
Но этого хватило.
Саша сделал шаг быстрее.
Я тоже.
Это было автоматически.
Как будто тело реагирует раньше головы.
Я снова посмотрел на пол.
Следы.
Те же.
Или другие.
Я не был уверен.
Я попытался запомнить форму.
Размер.
Расстояние между ними.
Это было важно.
Если всё запомнить — можно понять.
Если понять — можно контролировать.
Если контролировать — можно…
Я остановился.
Мысль оборвалась.
Я не знал, чем она заканчивается.
Но знал, что она важная.

— Не останавливайся, — сказал он.
Я не слышал, чтобы он подходил ближе.
Но голос стал ближе.
Я поднял голову.
Он стоял чуть в стороне.
Смотрел прямо на меня.
И в этот момент я понял.
Он видит.
Не просто смотрит.
Видит, что я делаю.
Что я считаю.
Что запоминаю.
И от этого стало хуже.
Потому что если он это видит…
значит, это не помогает.
Я сделал шаг.
Потом ещё один.
Считать стало сложнее.
Мысли мешали.
И это было новое ощущение.
Раньше мысли помогали.
Теперь — нет.
Я снова попытался зацепиться за что-то простое.
За шаги.
За дыхание.
За звук.
Но ничего не держалось.
— Вот, — сказал он.
Мы остановились.
Я не сразу понял, почему.
Потом увидел.
Дверь.
Ещё одна.

Внизу.

Я посмотрел на неё и вдруг почувствовал странную вещь.

Как будто это не начало.

Как будто это уже середина.

И назад мы не пойдём.

Не потому что нельзя.

А потому что уже не получится.

Когда дверь открылась, я сначала не понял, что изменилось. Мы просто сделали шаг внутрь, как делали это раньше, но сразу стало ясно — назад уже не так просто выйти.

Комната была меньше, чем я ожидал. Стены ближе. Потолок ниже. Фонарик Саши освещал только часть пространства, и от этого казалось, что остальное не просто в темноте, а как будто вообще отсутствует.

Я автоматически обернулся.

Дверь была за нами.

Он стоял рядом с ней.

Не закрывал.

Но и не отходил.

Это было странно.

Он ничего не делал, но стало понятно — мы не выйдем.

Никто не сказал этого вслух.

Но все это поняли.

Саша сделал шаг в сторону, как будто хотел пройти дальше, но остановился. Витя посмотрел на него, потом на дверь, потом опустил взгляд. Дима тихо выдохнул, и этот звук прозвучал слишком громко.

Никто не двигался.

Мы просто стояли.

И ждали.

Я не знал, чего именно.

Но ожидание становилось хуже с каждой секундой.

Я снова начал считать в голове, чтобы не думать. Один. Два. Три. Но числа не помогали. Они просто шли сами по себе, не удерживая ничего.

Я поднял голову.

Он смотрел на нас.

Спокойно.

Как будто ничего не произошло.

Как будто всё только начинается.

И в этот момент я понял — это не случайно.

Мы здесь не просто так.

Сначала я не понял, что именно должен запомнить. Казалось, если просто смотреть внимательно, всё сложится само — как картинка, где сначала видишь отдельные линии, а потом вдруг понимаешь, что это значит. Но чем дольше я смотрел, тем больше появлялось деталей, и ни одна из них не казалась главной.

Он двигался спокойно. В этом было что-то неправильное. Не потому что он делал что-то особенное, а наоборот — потому что в его движениях не было ни спешки, ни сомнений. Как будто всё уже давно известно и происходит так, как должно происходить.

Саша стоял ближе всех. Я видел его плечо, напряжённое, как будто он держит его специально, чтобы не двигаться. Витя тяжело дышал, и этот звук мешал думать. Дима был сзади, я не видел его, но помнил, что он там. Я старался удержать это в голове — кто где стоит. Это казалось важным.

Я снова посмотрел на него.

И в этот момент понял, что он уже выбрал.

Это было видно не сразу. Просто его взгляд остановился на одном месте чуть дольше, чем на других. Этого оказалось достаточно.

Я почувствовал это раньше, чем понял.

Сейчас.

Я хотел отвернуться. Даже начал поворачивать голову, но остановился. Если отвернуться — я не узнаю. А мне нужно было понять.

Я смотрел чуть в сторону, не прямо. Этого хватало, чтобы видеть, но не полностью. Как будто так легче.

Сначала был звук. Короткий, сбившийся. Потом ещё один, уже тише. После этого всё стало каким-то приглушённым. Я слышал дыхание, но не мог понять, чьё именно. Саша больше не двигался. Витя перестал дышать так громко.

Я не следил за всем сразу. Я ловил куски. Обрывки. Этого было достаточно, чтобы не отворачиваться.

И потом стало тихо.

Не резко. Просто в какой-то момент звуки закончились.

Я опустил взгляд.

Сначала ничего не понял.

Потом заметил руку.

Обычную. Почти.

Я смотрел дольше, чем нужно. Пытался понять, что именно не так. Почему взгляд не уходит.

И в какой-то момент понял.

На руке не хватало пальца.

Я замер.

Мысль появилась сразу, но я не хотел её принимать. Я снова посмотрел, уже внимательнее, чтобы убедиться, что не ошибся.

Нет.

Не было.

Я резко отвернулся, но это не помогло. Картинка уже осталась. Я всё равно видел её, даже когда не смотрел.

Я снова посмотрел.

Теперь уже специально.

Мне нужно было понять.